

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 535-542.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.535
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

State Power and Fishing Settlements on the Lands of Nomads in the North-Western Caspian Region (the second half of the XVIII – XIX centuries)

Sergey S. Belousov^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the state policy regarding unauthorized fishing settlements on the lands of nomads of the North-Western Caspian region in the second half of the XVIII-XIX centuries. The author investigated the circumstances of the emergence of fishing settlements, considered their national, class and professional composition, and revealed the content of the policy of the authorities in relation to them. The settlements were formed without the knowledge of the authorities, so they were among the unauthorized settlements.

The author concluded that the authorities were generally interested in the existence of unauthorized fishing settlements and did not insist on their elimination. They offered their residents their own solutions to the problem, and only if the unauthorized immigrants rejected the proposed conditions for staying on the nomad lands, the question of evicting illegal immigrants was raised. This policy was based on the interests of the fishing industry, which could suffer in the event of the demolition of settlements and the removal of their inhabitants. At the same time, the authorities in their policy had to take into account the interests of nomads in the coastal Caspian Sea and the special legal status of the Kalmyk and Kazakh lands. Because of this, the land issue was quite acute when dividing and allocating land plots to residents of legalized settlements.

Keywords: Resettlement policy, North-Western Caspian Sea, fishing villages, unauthorized migrant, nomads.

1. Введение

В XVIII–XIX вв. в северо-западной береговой части Каспийского моря образовалась сеть рыбацких поселений, большинство из которых основали самовольные переселенцы из верхневолжских и центральночерноземных губерний. Самовольные поселения отличались от обычных селений тем, что не имели административно-правового статуса, утвержденных властями органов управления, своего земельного надела, их жители не платили налогов и не несли повинностей. Они располагались на казенных, находящихся в собственности частных лиц и в пользовании кочевников землях. Многие годы государственная власть не обращала на них особого внимания, негласно позволяя им существовать, пока в середине 1860-х гг. не началось реформирование рыбной отрасли. Преобразования в рыбном деле не могли не затронуть самовольные рыбацкие поселения, поскольку жизнь их обитателей изначально была связана с рыболовством.

На землях кочевников в XVIII–XIX вв. возникли 11 рыбацких поселений, из них 7 – на калмыцких землях Астраханской губернии и 4 – на землях казахов Уральской области. При решении вопроса самовольных ловецких поселков на землях кочевников власти вынуждены были учитывать особенности их правового статуса и интересы кочевого населения.

Исследование данной проблемы необходимо, поскольку позволяет добавить еще один штрих в изучение переселенческой политики в национальных регионах России. С этой темой тесно

* Corresponding author

E-mail addresses: sbelousovelista@mail.ru (S.S. Belousov)

переплетены вопросы формирования населения, имперской политики в национальных районах, миграционная проблематика и др. Исследование также обогащает наши знания о формировании стационарных поселений и населения в Северо-Западном Прикаспии.

Главная цель статьи – раскрыть содержание государственной политики на протяжении второй половины XVIII–XIX в. в отношении самовольных переселенцев на землях кочевников Северо-Западного Прикаспия. В этой связи ставятся задачи: выявить причины возникновения самовольных переселенческих поселков, исследовать динамику государственной политики, определить национальный, сословный и профессиональный состав переселенцев, проанализировать взаимоотношения властей и жителей поселков.

2. Материалы и методы

Основными источниками для написания статьи послужили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Астраханской области (ГА АО) и Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Архивные документы включают переписку органов государственной власти, прошения жителей поселков, исторические справки о возникновении самовольных рыбацких поселений.

Ценный материал о государственной политике в отношении ловецкого населения содержат сборники документов Управления Каспийско-Волжских и тюленьих промыслов, изданные в 1911 г. (*Законы и инструкции...*, 1911). В статье также использованы материалы Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ РИ) и статистические сведения Астраханского губернского статистического комитета, публиковавшиеся в ежегодных памятных книжках и отдельных сборниках.

Исследование проводилось с опорой на историко-генетический и историко-сравнительный методы. Использование историко-генетического метода позволило проследить политику в отношении рыбацких поселков от времени их возникновения до легализации, а сравнительно-исторический анализ сделал возможным сравнить политику властей на землях кочевников с проводимой на казенных и частнособственнических землях.

3. Обсуждение

История самовольных рыбацких поселков Прикаспия во второй половине XVIII–XIX в. в отечественной историографии разработана слабо, при этом большинство работ написаны в досоветский период. Наибольший вклад в исследование данной темы внесли И.И. Михайлов (*Михайлов, 1856*), П.О. Зубович (*Зубович, 1896*), А.М. Никольский (*Никольский, 1898*), в работах которых содержится много ценной информации по истории возникновения поселков и отношении к ним властей, уделено внимание сословному и национальному составу поселений и организации их самоуправления.

Важные проблемы развития рыболовства на Каспийском море в XVIII–XIX в. отражены в трудах К.Н. Лебедева (*Лебедев, 1863*) и О.А. Гримма (*Гримм, 1896*). В их книгах прослеживается история становления законодательства по рыбной отрасли, приводятся различные точки зрения и подходы, в т.ч. по вопросу самовольных рыбацких поселков.

В 1853–1857 гг. в Волго-Каспийском бассейне работала снаряженная Министерством государственных имуществ и Русским географическим обществом Каспийская экспедиция под руководством К.М. Бэра. Участники экспедиции собрали богатейший материал о природных ресурсах Каспийского моря и его населении, который был включен в многотомный коллективный труд: «Исследование о состоянии рыболовства в России» (*Исследование...*, 1860).

Свою лепту в изучение прошлого рыболовецких поселков внесли их православные священники, среди которых в первую очередь следует отметить И. Покасова (*Покасов, 1909, Покасов, 1911*) и П. Реверсова (*Реверсов, 1879*), опубликовавшие на страницах журнала «Астраханские епархиальные ведомости» статьи по истории своих приходов, где содержатся интересные сведения о возникновении поселков, их жителях и занятиях.

В советский период серьезные исследования политики имперского руководства в отношении самовольных рыбацких поселений, во-первых, не проводились, во-вторых, в условиях господства коммунистической идеологии акцент в освещении политики царского правительства делался на его отрицательных сторонах. Из работ, вышедших в послевоенный период, следует отметить статью П.Д. Сангаджиева, М.У. Монраева «О возникновении поселка Лагань и происхождении его названия», опубликованную в сборнике «Исследования по исторической географии КАССР» (*Сангаджиев, Монраев, 1981*).

Изучение научной литературы выявило факт отсутствия работ, посвященных политике властей в отношении самовольных рыбацких поселений и их жителей.

4. Результаты

Появление рыбацких поселений на землях кочевников в прибрежной полосе связано с развитием рыболовецкой отрасли и с военно-политическими интересами России на Каспии. Кочевников прибрежные территории привлекали тем, что в суровые зимние месяцы здесь можно

было в камышах укрыть и прокормить свой скот, кроме того, бедные кочевники благодаря рыболовству находили себе пропитание.

Одним из первых на взморье возник п. Седлистый. Он начинался с крепости, заложенной в 1722 г. в устье р. Чулпан во время похода императора Петра I в Персию. Крепость выполняла роль опорного военного пункта в волжской дельте и одновременно являлась перевалочной базой для снабжения российских войск продовольствием и материалами. В 1801 г. в ней открыли таможню, предназначенную для предотвращения контрабандного провоза соли, рыбы и других товаров.

Со второй половине XVIII в. рядом с крепостью и таможней стали обосновываться на постоянное место жительства, привлеченные выгодами занятия рыболовством, купцы, мещане, крестьяне и вышедшие в отставку солдаты. В 1856 г. в поселке проживали 42 семьи, из которых 26 относились к мещанскому сословию, 3 – к купеческому и 13 семей являлись государственными крестьянами (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 83).

С государственными интересами связана также история основания п. Бирючья Коса. В начале 1830-х гг. на месте будущего рыбацкого поселка были устроены карантинный пост, таможенная застава и военная брандвахта, однако в 1862 г. карантин закрыли, а военный гарнизон расформировали. На острове осталась лишь небольшая группа вышедших в отставку солдат, многие из которых к этому времени успели обзавестись семьями и обустроиться. Они не захотели переезжать в другие места и научились заниматься рыболовством. Вскоре к ним «быстро стали стекаться на вольное житье при вольных водах всевозможные выходцы из средних губерний, а также ищущие счастья...», которые также освоили рыбацкую профессию и построили себе дома (Покасов, 1911: 656). Так на острове образовалось поселение с постоянным составом жителей. Среди пришлого населения преобладали мещане г. Астрахани, но много было и крестьян из Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Астраханской и Симбирской губерний (Покасов, 1911: 656). К середине 1870-х гг. поселок вследствие миграционного притока населения и естественного прироста увеличился до 80 дворов, в которых числилось 255 душ; из них 140 мужских и 110 женских (Описание..., 1877: 77).

Рыбацкие поселения возникли также на острове Четырехбугорном. Свое название он получил от 4-х бугров, покрывавших его поверхность. На трех буграх мещанами, крестьянами и купцами было устроено 3 поселка: Вахромеевский, Разбугоринский и Рынок; на четвертом бугре, под названием Вышка, находился каменный маяк, который обслуживали и охраняли смотритель и воинская команда из 6 чел. (Реверсов, 1879: 41).

Главным занятием жителей поселков было рыболовство, приносящее хорошие доходы и обеспечивавшее достаточно высокий уровень материального благосостояния большинства населения, что, безусловно, способствовало устойчивой динамике развития поселков. За период с середины 1850-х до середины 1870-х гг. количество дворов в трех поселках острова Четырехбугорного возросло со 111 до 150 (1326 чел.) (Описание..., 1877: 77).

В конце 1830-х – начале 1840-х гг. рыбацкие поселки пополнились освобожденными из плена Бухарского и Хивинского ханств морскими ловцами. Часть из них нашла себе покровителя в лице арендатора вод купца Голикова, который пригласил их на работу и жительство на остров Оля. Купец организовал им на льготных условиях прием улова, снабдил продовольствием и деньгами, обеспечил орудиями лова. Первые две семьи прибыли на остров в 1842 г., а через год к ним присоединились еще 20 семей бывших пленников (Покасов, 1909: 588).

До середины XIX в. все 6 образованных на калмыцких землях самовольными поселенцами поселков не встречали противодействия со стороны властей и успешно росли и развивались. В начале 1850-х гг. ситуация круто изменилась. Астраханская палата государственных имуществ приняла решение начать сдавать частным лицам в оброчное содержание находившиеся в ведении калмыцкой администрации 28 островов и бугров в Мочагах, а вырученные от аренды деньги перечислять в фонд общественного калмыцкого капитала (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 8).

Из числа 28 предполагавшихся к сдаче в аренду островов на 6 располагались поселки самовольных поселенцев, которые считали занятые ими земли своими и никогда не платили за них денег. В 1855 г. жителям поселков Разбугоринский, Вахромеевский, Рынок, Оля, Седлистый (168 семей) предложили заключить контракты на занимаемую ими территорию, пригрозив в противном случае выселить, а землю передать в аренду рыбопромышленникам (РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25478. Л. 2). Ловцы, однако, отказались взять в аренду землю, на которой они жили и хозяйствовались. Тогда Астраханская палата государственных имуществ (АПГИ) приказала улусной полиции выдворить с территории поселков их обитателей, а имущество конфисковать. Но осуществить эти меры на практике не удалось, так как ловцы постоянно отлучались в море, да и добраться до островов, особенно в период распутиц, было крайне трудно (РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25478. Л. 3).

После сдачи островов в оброчное содержание жителям самовольных поселков пришлось иметь дело еще и с арендаторами. Последние добивались того, чтобы поселенцы платили им деньги за право проживания на арендуемых ими участках.

Несмотря на предпринимаемые усилия, власти так и не сумели добиться ликвидации поселков, население которых упорно сопротивлялось выселению и отказывалось выполнять исходившие от

властей распоряжения. 17 июня 1870 г. заведующий Мочагами доносил в Управление калмыцким народом (УКН): «Самовольство и упорство разночинцев, проживающих по побережью Волги и Каспийского моря встречается при каждом исполнении в полицейском отношении ...» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 66об.). Рыбацкие поселки на калмыцких землях не имели официальных, признанных властями органов власти, однако это не означало, что в них царил хаос и беспорядок в управлении. Из своей среды ловцы выбирали старост, которые были уполномочены вести переговоры с властями и вообще решать все общественные проблемы жителей поселков. Помимо поселковых старост, жители поселков по распоряжению Астраханского управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов избирали участковых старост, которые, по свидетельству заведующего Мочагами, пользовались у местного населения «совершенным уважением» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 68).

На судьбу самовольных поселков решающее значение оказали административные преобразования в рыбной отрасли, произошедшие в середине 1860-х – 1870-е гг. В 1865 г. правительство в целях увеличения прибыльности рыболовства на Каспии образовало из части казенных, калмыцких и выкупленных у отдельных лиц земель одноверстную береговую полосу, передав ее в ведение Астраханского управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. При отводе береговой полосы 6 ловецких поселков, находившихся на калмыцких землях, в силу своего географического положения оказались в черте одноверстной полосы и в 1873 г. были выведены из состава калмыцких земель. 28 июля 1878 г. вышло утвержденное императором Александром I положение Комитета министров «По предмету устройства поселков на прибрежной полосе Каспийского моря», по которому все самовольные поселения Прикаспия легализовались и до окончательного их устройства переводились на 24-летнюю усадебную аренду. Оставшаяся не занятой жилыми домами и постройками земля изымалась и обращалась в общее пользование для временного пристанища ловцов и устройства промыслов (ПСЗ РИ, 1880: 62). Через год население поселков было переписано, а земля обмежевана.

Пока решался вопрос с самовольными рыбацкими поселками на калмыцких землях образовался новый поселок самовольных поселенцев. Он возник середине 1870-х гг. на острове Лаганский, где издавна находился рыбный промысел. Пока происходила переписка о нем, население поселка росло, в основном за счет притока крестьян, мещан, купцов и отставных солдат из Астраханской, Пензенской, Саратовской и Воронежской губерний. В 1880-е гг. в п. Лагань проживали уже 35 семей, а в 1890-е гг. – 58 (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 6).

Прибытие новых семей обострило земельную проблему. Она усугублялась еще тем, что Лагань располагалась на границе земель калмыцких и одноверстной береговой полосы, при этом все земельные угодья и большинство домов поселка находились на калмыцкой стороне, и лишь небольшая группа построек входила в пределы береговой полосы. Для лаганцев основным источником дохода и существования было рыболовство, но в то же время каждая семья для собственных нужд держала по 3–4 головы крупного рогатого скота, для содержания которого требовались пастбища и сенокосы, а они находились в пользовании калмыков (ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. Л. 314). Первые поселенцы выпасали свой скот на калмыцкой земле нелегально, однако, когда поселок разросся, делать это стало намного труднее. Кочевавшие на острове калмыки, обеспокоенные быстрым ростом населения поселка, начали жаловаться властям и требовать выселения самовольных поселенцев.

Главный попечитель калмыцкого народа предложил оставить поселенцам земли под постройками, а сенокосами наделить в береговой полосе на условиях аренды. Эти и другие условия лаганцы, однако, сочли невыгодными для себя и отвергли. Дело в том, что им предложили гораздо меньшее количество земли, чем они пользовались до этого. Малая площадь участка делала невозможным содержание скота для домашнего обихода, а между тем молочные продукты, наравне с рыбными, были главными в питании рыбаков. В силу сложных природных условий острова лаганцы не занимались земледелием, поэтому большинство его продукции и многие другие продукты питания им приходилось завозить из других мест, связь с которыми осуществлялась по морю и потому была нерегулярной и ненадежной.

Власти и жители п. Лагань не пришли к единому решению вопроса, и дело опять затянулось на годы. Между тем быстрый рост поселка продолжался: в 1900 г. он насчитывал 191 двор и 565 жителей, из которых 510 человек принадлежали к крестьянскому сословию и 55 чел. – к мещанскому (НА РК. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 139. Л. 136–136об.).

В июле 1904 г. император Николай II утвердил «Правила об общественном устройстве самовольных поселков», на основе которых впоследствии были сформированы органы управления в поселках и установлено административно-территориальное деление. Поселок Лагань вместе с поселками Бирючья Коса, Рынок, Вахромеев, Разбуторье, Седлистый, Оля и другими был объединен в Бирючкосинскую волость с центром в п. Бирючья Коса.

Для жителей самовольных поселков легализация стала большим успехом, однако она не решила их земельной проблемы. Большинство поселков были перечислены без надлежащего земельного обеспечения, что поставило под угрозу их дальнейшее развитие. Переселенцы надеялись

получить в надел ближайшие к их поселениям калмыцкие земли, но УКН из-за несогласия калмыков не решилось пойти на этот шаг. Других земель на островах, где располагались поселки, не имелось или было недостаточно для того, чтобы обеспечить поселение необходимым количеством земли. Жителям рыбацких поселков не оставалось ничего другого, кроме как арендовать калмыцкие земли и просить власти наделить их землями.

На казахских землях образовалось 4 рыбацких поселка: Жилая Коса, Ракуша, Алтпас и Прорва. Они возникли на побережье северной части Каспийского моря, в пределах Гурьевского уезда Уральской области. Самым крупным среди них был п. Жилая Коса, основанный крестьянами и мещанами из Астраханской, Нижегородской, Тамбовской, Симбирской, Пензенской, Владимирской, Самарской и прочих губерний, к которым впоследствии присоединились татары из Казанской и Симбирской губерний, купцы-евреи, греки из Турции и Греции. О причинах возникновения и быстрого развития поселка в «Общем обзоре XIX морского рыболовного участка Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов» говорилось: «Несколько случаев скорой и легкой наживы на приэмбенских промыслах в начале нынешнего столетия и довольно легких, доступный кредит, открытый в те же года Астраханью, дали в результате массовый набег в этот край разных случайных элементов, часто «без гроша в кармане». К рыбному делу потянулись лавочники, приказчики, трактирщики, прасолы, богатые купцы, даже чиновники» (*Общий обзор, 1912: 16*). Кроме рыболовства и приготовления его продуктов, жиленцы занимались скупкой у кочевников шкур, шерсти, сырья и скота, а также торговлей разными материалами и припасами. В 1911 г. в поселке имелось 78 зарегистрированных лавок, два бондарных заведения, 12 кузниц, 7 хлебопекарен, скотобойня, а все его постоянное население состояло из 432 семей, в которых числилось 1025 душ мужского и 948 душ женского пола. В поселке функционировали православная церковь, мечеть, две школы и больница на 10 коек (*Общий обзор..., 1912: 15*). Во время осенней и весенней путины в поселок из г. Астрахани съезжались скупщики, приказчики, уборщики рыбы, сезонные ловцы и население его значительно возрастало.

Поселок Ракуша основали в 1867 г. четыре рыбацких семьи из разных губерний, которые вырыли себе временные землянки и занялись рыболовством. Первопоселенцы жили в поселке в весенний, летний и осенний периоды, поскольку на зиму боялись оставаться из-за нападений казахов (*Болдырев, 1901: 741*). Когда ситуация нормализовалась, переселенцы обосновались в поселке на постоянное жительство. К началу 1910-х гг. в п. Ракуша насчитывалось уже 43 двора и 101 чел. постоянного населения (*Общий обзор..., 1912: 16*).

Самый южный из рыбацких поселков на казахских землях – Прорва – вырос из рыбного промысла, устроенного в 1892 г. астраханским предпринимателем Бражниковым. Вначале в поселке было 5–8 домов, спустя 20 лет – 41 дом, в которых проживали 85 муж. и 59 жен. (*Общий обзор..., 1912: 16*).

В Уральской области, в т.ч. на казахских землях, в отличие от Астраханской губернии, береговая полоса не отводилась под нужды рыболовства, что создавало почву для недоразумений и конфликтов между самовольными переселенцами и казахами-кочевниками. Так, казахи не допускали ловецкое население свободно пользоваться прибрежными территориями для своих нужд, хотя, согласно ст. 746 Устава сельского хозяйства (изд. 1903 г.), ловцам разрешалось устраивать станы и промыслы в приморской части и пользоваться находящейся там растительностью. Нерешительность властей в данном вопросе объяснялась тем, что казахские общества упорно сопротивлялись землеотводным работам в прибрежной местности, куда они пригоняли свои стада на зиму.

Проживавшее в поселках русское население вынуждено было арендовать землю у казахских обществ. Однако такой порядок пользования землей не устраивал переселенцев, жаловавшихся чиновникам на высокую арендную плату, которую казахи взимали за выгоны, сенокосы.

Руководство Уральской области поддерживало жителей поселков в их стремлении легализовать поселения и получить положенный земельный надел. Признание поселков, по мнению местных властей, принесло бы ощутимую пользу рыболовству и способствовало бы усилению «...на кочевников русского влияния» (*ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 82*). Легализовать жителей самовольных поселков предлагалось на условиях, разработанных для переселенцев в восточных губерниях (Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская).

В 1879 г. областное руководство направило данные предложения в Министерство внутренних дел, но получило отрицательный ответ. Министр заявил, что подведомственное ему учреждение еще не готово решать этот вопрос.

В 1895 году военный губернатор Уральской области, приняв во внимание неоднократные ходатайства жителей ловецких поселков Жилая Коса и Ракуша об отводе им определенного участка земли, необходимого для пастбы скота, сенокосения и добывания камыша и найдя дальнейшее оставление названных поселков в неопределенном положении нецелесообразным и вредным, вновь обратился к министру внутренних дел И.Н. Дурново с просьбой отвести им земельные участки. Он предложил изъять просимые земли из владения казахов и разрешить немедленно приступить к формированию в упомянутых поселениях управления на основании общего Положения о сельских обывателях. При этом военный губернатор находил, что участки в 10 кв. верст для Жилой Косы и в 1 кв. версту для Ракуши вполне удовлетворили бы потребности поселян, занимавшихся, главным

образом, рыбным промыслом и торговлей, и могли бы быть изъяты из владения казахов без особого для последних стеснения.

Дурново согласился с предложениями уральского военного губернатора, и 10 мая 1895 г. он сообщил министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову о том, «... что с его стороны не встречается препятствий к отчуждению из владений киргизов необходимых земель для наделения поселений, расположенных на берегу Каспийского моря, в пределах Гурьевского уезда» (ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 82об.). Провести легализацию рыбацких поселков министр внутренних дел рассчитывал на основе закона от 13 июля 1889 года, который разрешал устраивать самовольных переселенцев на условии аренды ими земли от 6 до 12 лет и только затем передавать им участки в постоянное пользование (ПСЗ РИ 1891: 536). Что касается казахов, то их приписка в поселки увязывалась с переходом их на оседлость, в противном случае они должны были покинуть отводимые поселкам земли.

Решение земельного вопроса, однако, вновь затормозилось из-за ведомственных согласований, в результате поселки получили административное и земельное устройство только во втором десятилетии XX в.

5. Заключение

История возникновения переселенческих рыбацких поселков на калмыцких землях тесно связана с развитием рыбной отрасли и отчасти с реализацией государством военно-полицейских задач на побережье Каспийского моря. Поселения возникли в районе, где рельеф местности и почвенно-климатические условия не позволяли в широких масштабах культивировать скотоводство и земледелие, поэтому главным источником существования местного и пришлого населения являлось рыболовство, занятие которым было делом выгодным, что стимулировало миграцию населения в прибрежные районы Каспийского моря.

Большинство рыбацких поселков (9 из 11) на калмыцких и казахских землях выросли из рыболовецких ватаг, и два поселка образовались на основе военной крепости, карантина и таможни. Среди переселенцев преобладали крестьяне, значительную часть их составляли мещане, в меньшей степени они были представлены купцами и отставными солдатами. Большинство из них были самовольными переселенцами, поэтому основанные ими поселения не признавались государством и не имели ни административного статуса, ни утвержденных властями органов управления. Поселковые общины представляли собой самоуправляющиеся единицы, осуществлявшие связь с властями посредством выборных из своей среды старост.

Власти знали о существовании самовольных поселений, но каких-либо мер в отношении их не предпринимали. Ситуация начала меняться с середины XIX в., когда число поселков и населения в Прикаспии значительно выросло и начались преобразования в рыбной отрасли. Государственная власть вынуждена была заняться проблемой устройства ловецких поселков.

В рыбацких поселках, расположенных на землях кочевников, преобразования проводились в рамках государственной политики административно-территориального и земельного устройства ловецкого населения Каспийского побережья, начатой в 1865 г. с выделения на нужды рыбацкого населения одноверстной полосы. Шесть поселков на калмыцких землях вошли в одноверстную прибрежную полосу и были в 1873 г. выведены из-под управления калмыцких властей, затем в 1878 г. легализованы; такие же меры, но позднее, были предприняты в отношении п. Лагань. Немного позже получили устройство 4 поселка на казахских землях. Полностью процесс административно-территориального и земельного устройства рыбацких поселков завершился во втором десятилетии XX в.

Отметим, что власти в целом были заинтересованы в существовании самовольных рыбацких поселений и не настаивали на их ликвидации. Они предлагали их жителям свои варианты решения проблемы, и только, если самовольные переселенцы отвергали предложенные им условия пребывания на землях кочевников, поднимался вопрос о выселении нелегальных переселенцев. В основе такой политики лежали интересы рыбной отрасли, которые могли пострадать в случае сноса поселков и удаления их жителей. В то же время власти в своей политике вынуждены были учитывать интересы кочевников в прибрежном Каспии и особый правовой статус калмыцких и казахских земель. В силу этого земельный вопрос при размежевании и наделении участками жителей легализованных поселений стоял достаточно остро и его решение затянулось на многие годы.

6. Благодарности

Исследование проведено при поддержке государственной субсидии: проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (AAAA – А – 19 – 119011490038 – 5).

Литература

Бодырев, 1901 – Болдырев И. Поселок Ракуша, Гурьевского уезда, Уральской области // Оренбургские епархиальные ведомости. 1901. № 28. С. 741-743.

- ГА АО – Государственный архив Астраханской области.
 Гримм, 1896 – Гримм О.А. Каспийско-Волжское рыболовство. СПб., 1896.
 Законы и инструкции..., 1911 – Законы и инструкции, действующие в Каспийско-Волжском рыболовном районе. Вып. 1. Законы. Астрахань, 1911.
 Зубович, 1896 – Зубович П.О. О самовольных поселках в Астраханском и Красноярском уезде // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1894 год. Астрахань, 1896. С. 35-45.
 Исследование..., 1860 – Исследование о состоянии рыболовства в России. Т. 2. СПб., 1860.
 Лебедев, 1863 – Лебедев К.Н. О Каспийском рыболовстве. СПб., 1863.
 Михайлов, 1856 – Михайлов И.И. Астраханские ловцы // Библиотека для чтения. 1856. Отд. 1. Т. 137. С. 135-192.
 НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.
 Никольский 1898 – Никольский А.М. Астраханские морские ловцы: Статистико-экономическое описание. СПб., 1898.
 Общий обзор..., 1912 – Общий обзор XIX морского рыболовного участка Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленых промыслов. Уральск, 1912.
 Описание населенных мест..., 1877 – Описание населенных мест Астраханского уезда, находящихся в ведении общей полиции // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 5. Астрахань, 1877.
 Покасов, 1911 – Покасов И. Бирючья Коса, Астраханского уезда (историко-статистический очерк села) // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 17. С. 652-661.
 Покасов, 1909 – Покасов И. Поселок Оля (прихода с. Бирючьей Косы, Астраханского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости. 1909. № 18. С. 586-591.
 ПСЗ РИ, 1881 – Полное собрание законов Российской империи: собрание второе. 1881. Т. 53 (1878). Отд. 2. СПб., 1880. С. 54-63.
 ПСЗ РИ, 1891 – Полное собрание законов Российской империи: собрание третье. Т. 9 (1889). СПб., 1891. С. 535-538.
 Реверсов, 1879 – Реверсов П.И. Материалы для церковно-приходской летописи Астраханского уезда, Четырехбугоринского селения, Николаевской церкви // Астраханские епархиальные ведомости. 1879. № 3. С. 40-44.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Сангаджиев, Монраев, 1981 – Сангаджиев П.Д., Монраев М.У. О возникновении поселка Лагань и происхождении его названия // Исследования по исторической географии КАССР. Элиста, 1981. С. 72-78.

References

- Boldyrev, 1901 – Boldyrev, I. (1901). Poselok Rakusha, Gur'evskogo uyezda, Ural'skoi oblasti [Rakusha settlement, Guryevsky uyezd, Ural region]. *Orenburgskie eparkhial'nye vedomosti*. 28: 741-743. [in Russian]
 ГА АО – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [The State archive of the Astrakhan region].
 Grimm, 1896 – Grimm, O.A. (1896). Kaspiysko-Volzhskoe rybolovstvo [Caspian-Volga fisheries]. SPb. [in Russian]
 Issledovanie..., 1860 – Issledovanie o sostoyanii rybolovstva v Rossii (1860). [Research on the state of fishing in Russia]. Т. 2. SPb.
 Lebedev, 1863 – Lebedev, K.N. (1863). O Kaspiiskom rybolovstve [On Caspian fishing]. SPb. [in Russian]
 Mikhailov, 1856 – Mikhailov, I.I. (1856). Astrakhanskie lovtzy [Astrakhan hunters]. Biblioteka dlya chteniya. 1856. Otd. 1. T. 137. Pp. 113-136. [in Russian]
 НА РК – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National archive of the Republic of Kalmykia].
 Nikol'skii 1898 – Nikol'skii, A.M. (1898). Astrakhanskie morskoe lovtzy: Statistiko-ekonomicheskoe opisanie [Astrakhan sea fishermen: Statistical and economic description]. SPb. [in Russian]
 Obshchii obzor..., 1912 – Obshchii obzor XIX morskogo rybolovnogo uchastka Upravleniya Kaspiisko-Volzhskikh rybnykh i tyulen'ikh promyslov (1912) [General overview of the XIX marine fishing area of the Caspian-Volga Fish and Seal Fisheries Department] Ural'sk. [in Russian]
 Opisanie naseleennykh mest..., 1877 – Opisanie naseleennykh mest Astrakhanskogo uyezda, nakhodyashchikhsya v vedenii obshchei politsii (1877) [Description of localities in Astrakhan county under the jurisdiction of the general police]. Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Vyp. 5. Astrakhan. [in Russian]
 Pokasov, 1909 – Pokasov, I. (1909). Poselok Olya (prikhoda s. Biryuch'ei Kosy, Astrakhanskogo uyezda) [The settlement of Olya (the parish of the village of Biryuchya Kosy, Astrakhan uyezd)]. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 18: 586-591. [in Russian]
 Pokasov, 1911 – Pokasov, I. (1911). Biryuch'ya Kosa, Astrakhanskogo uyezda (istoriko-statisticheskii ocherk sela) [Biryuchya Kosa, Astrakhan uyezd (istoriko-statisticheskii ocherk sela)]. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 17: 652-661. [In Russian].

PSZ RI, 1881 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 1881. Sobr. 2. T. LIII. Ch. 2. SPb. Pp. 54-63 [in Russian]

PSZ RI, 1891 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (1891) [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 1891. Sobr. 3. T. IX. SPb. Pp. 54-63 [in Russian]

Reversov, 1879 – *Reversov, P.I.* (1879). Materialy dlya tserkovno-prikhodskoi letopisi Astrakhanskogo uezda, Chetyrehbugorinskogo seleniya, Nikolaevskoi tserkvi [Materials for the parish Chronicles Astrakhan County, Chetyrehjadernogo villages Nicholas Church]. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 3: 40-44. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Sangadzhiev, Monraev, 1981 – *Sangadzhiev, P.D., Monraev, M.U.* (1981). O vozniknovenii poselka Lagan' i proiskhozhdenii ego nazvaniya [About the origin of the village of Lagan and the origin of its name. Research on the historical geography of the KASSR]. *Issledovaniya po istoricheskoi geografii KASSR*. Elista. Pp. 72-78. [in Russian]

Zakony i instruktсии..., 1911 – Zakony i instruktсии, deistvuyushchie v Kaspiisko-Volzhskom rybolovnom raione (1911) [Laws and regulations in force in the Caspian-Volga Fishing Area]. Vyp. 1. Zakony. Astrakhan'. [in Russian]

Zubovich, 1896 – *Zubovich, P.O.* (1896). O samovol'nykh poselkakh v Astrakhanskom i Krasnoyarskom uezde [On unauthorized settlements in the Astrakhan and Krasnoyarsk uyezd]. *Otchet Petrovskogo obshchestva issledovatelei Astrakhanskogo kraya za 1894 god*. Astrakhan'. Pp. 35-45. [in Russian]

Государственная власть и рыбацкие поселки на землях кочевников в Северо-Западном Прикаспии (вторая половина XVIII – XIX вв.)

Сергей Степанович Белоусов ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской АН, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализирована государственная политика в отношении самовольных рыбацких поселений на землях кочевников Северо-Западного Прикаспия во второй половине XVIII–XIX вв. Автор исследовал обстоятельства возникновения рыбацких поселений, рассмотрел их национальный, сословный и профессиональный состав, раскрыл содержание политики властей в отношении их.

Изучение обстоятельств возникновения переселенческих рыбацких поселков на землях калмыков и казахов показало, что их образование было связано с развитием рыбной отрасли в дельте р. Волги и Каспийского моря. Поселки были образованы без ведома властей, поэтому относились к числу самовольных поселений.

Серьезно проблемами самовольных рыбацких поселений власти начали заниматься с середины XIX в., когда начались преобразования в рыбной отрасли. В конце XIX – начале XX вв. поселки были выведены из состава калмыцких и казахских земель и легализованы, после этого было проведено их административно-территориальное и земельное устройство, окончательно завершившееся во втором десятилетии XX в.

Автор пришел к выводу о том, что власти в целом были заинтересованы в существовании самовольных рыбацких поселений и не настаивали на их ликвидации. Они предлагали их жителям свои варианты решения проблемы, и только, если самовольные переселенцы отвергали предложенные им условия пребывания на землях кочевников, поднимался вопрос о выселении нелегальных переселенцев. В основе такой политики лежали интересы рыбной отрасли, которые могли пострадать в случае сноса поселков и удаления их жителей. В то же время власти в своей политике вынуждены были учитывать интересы кочевников в прибрежном Каспии и особый правовой статус калмыцких и казахских земель. В силу этого земельный вопрос при размежевании и наделении участками жителей легализованных поселений стоял достаточно остро. Можно констатировать, что при проведении политики в отношении самовольных рыбацких поселков властям удалось найти разумный баланс между интересами жителей поселков и кочевниками.

Ключевые слова: переселенческая политика, Северо-Западный Прикаспий, рыбацкие поселки, самовольные переселенцы, кочевники.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sbelousov@tlista@mail.ru (С.С. Белоусов)